

Всеволод
КРЕСТОВСКИЙ

ВНЕ
ЗАКОНА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1-44
К 80

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-32132-8

© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Часть первая

I

«БАРИН СПИТ — НЕ ТРЕВОЖЬТЕ!»

Ирина Борисовна из столовой прошла в свои комнаты, а оба кузена направились в кабинет. Уходя, она мельком кинула многозначительный взгляд в лицо того, который не был ее мужем, и этот взгляд, казалось, спрашивал: «Неужели это и в самом деле будет?»

Глаза их встретились.

Платон Васильевич Вельтищев ответил на него беглой мимолетной улыбкой из-за спины своего двоюродного брата, и эта улыбка ясно сказала: «Будьте покойны... ступайте...»

И они разошлись.

* * *

— Так вот, видишь ли, голубчик Платоша, — говорил Максим Григорьевич Вельтищев, положив руку на плечо брата и входя с ним в свой деловой комфортабельный кабинет, — теперь мы с тобою сквитались. Я очень рад! Но... говоря по правде, эти двести пятьдесят тысяч шибко хлопнули меня по карману... Ты знаешь, что из Славногорского прииска я ведь выделил Картонаки да Пупыреву восемьдесят две тысячи.

— Но ведь зато, за исключением моих двадцати паев, вы остаетесь теперь единственным владельцем, — возразил Платон, который на двадцать лет был моложе своего кузена и потому, в силу детской еще привычки, относился к нему со всеми формами внешней почтительности.

Максим Григорьевич говорил ему «ты» и «Платоша», как, бывало, говаривал и в те годы, когда держал маленького Платошу на руках, а маленький Платоша, сделавшись тридцатитрехлетним Платоном Васильевичем и ведя уже двенадцать лет общие большие денежные дела и обороты со своим бывшим опекуном, относился к нему на «вы», как и во время оно, а звал не иначе как «Максим Григорьевич» и только за глаза позволял себе иногда дружески-ироническое наименование «старец».

— Все так, — согласился Максим Григорьевич, — но я никак не рассчитывал, что придется платить тебе по этой сохранной расписке теперь же... Я думал, что ты раньше марта с меня не потребуешь...

— Ах, милый Максим Григорьевич! Мне ужасно сожалею, но... что же делать!.. Вы сами знаете, какая нетерпящая крайность! — оправдывался Платон, не без удовольствия ощущая в своем боковом кармане толстую пачку крупных банковских билетов.

— Смотри, брат, зарываешься! — дружески предостерег Максим Григорьевич, покачав своею опрятненькой лысой и седой головой.

— Да ведь нельзя же и без риска! — пожал плечами Платон Васильевич.

— Кто говорит!.. Но риск промысловый не то, что риск биржевой. Лучше держись моего правила: «Богатей медленно» — это вернее будет.

— Не то время теперь, братец!

— Не то время... А в трубу вылетишь — при твоём-то положении в свете, при твоей служебной карьере, — тогда что?

— Я-то?.. А мозги на что?.. Знаете пословицу: «На то и щука в море...»

— «...чтобы карась не дремал», — знаю, голубчик; так вот, и будь карасем, по-моему...

— Нет, уж я лучше предпочитаю быть щукой!

— Я, мой друг, весь век карасем был и точно не дремал; зато теперь триста тысяч неприкосновенных, чисто-

ганом лежат, да помимо того в оборотах, миллионными делами ворочаем!

— И все-таки, значит, рискуете.

— Мой риск — не твой. Пожалуй, рискуй по-моему — внакладе не останешься.

— А я и по-своему, и по-вашему рискую: ведь вот же проект насчет железопрокатного завода...

— А кстати, — перебил его кузен, по-видимому живо заинтересовавшись напоминанием об этом проекте, — давеча не успел я спросить тебя: был ты в министерстве?

— Был! И в министерстве был, и у Картонаки был, и у Гроднянского, и у Розеншпица, и в редакции у Цемша был, — одним словом, у вся эллины и иудеи!

— Ну и что же? — оживленно спросил «старец».

— Прекрасно! В министерстве задержки не будет: там ведь, сами знаете, ваше имя — олицетворенный кредит! Картонаки и Розеншпиц идут в долю, Гроднянский охотно законтрактуется у нас, а Цемш обещал самую деятельную поддержку и агитацию в своей газете... Тысяч пять придется, конечно, заплатить ему.

— Ну уж это как водится! — с оттенком какого-то презрения махнул рукою Максим Григорьевич.

Подали кофе.

«Старец» подошел к изящно инкрустированной шкапулке и достал из нее сигару.

— Постойте, братец, не закуривайте! — с живостью остановил его Платон Васильевич. — Я вчера, по случаю, добыл себе на пробу сотню превосходных сигар и доволен как нельзя более! Розеншпиц рекомендовал. Я уверен, что вам понравится. Вот попробуйте-ка!

И он, вынув из портсигара совсем уже готовую, обретенную регалию, предупредительно подал ее своему кузену.

Максим Григорьевич имел обыкновение, куря сигару, сильно увлажнять и растрошивать между зубами ее конец. Посмаковав предложенную регалию, он, после первых же затяжек ароматным дымом, поморщился и отложил ее в сторону.

— Нет, брат, не нравится мне твоя сигара, — заметил он при этом кузену.

— А что так? — спросил Платон с какою-то странной озабоченностью.

— Да и на вкус как-то не того... горечь в ней какая-то странная, и вообще... не нравится.

— Нет, да вы курите! Это, может, вам только так вначале показалось или попалась скверная, — убеждал «старца» Вельтищев. — Не хотите ли, я вам дам другую?

— Нет, спасибо... может, и в самом деле, так только показалось или это у меня нынче во рту скверный вкус какой-то... Я ведь вообще как-то все болен в последнее время.

— Бывает, — заметил Платон Васильевич.

— Вероятно, так, — согласился «старец» и снова взялся за оставленную сигару.

— Ну, однако, что это мы все о делах да о делах!.. Поболтаемте лучше о чем-нибудь о веселом! — развязно воскликнул Платон Васильевич, садясь подле «старца», который покойно погрузился в мягкую оттоманку, стоявшую против камина.

Вельтищев-старший, куря предложенную ему сигару, благосклонно-тихою улыбкой ответил на предложение Вельтищева-младшего.

— В прошлую среду, в опере, вы не заметили в бельэтаже новую *рыжую*? — тем же развязным тоном продолжал Платон.

— Не охотник я до ваших рыжих! — слегка, но благодушно поморщился «старец». — В наше время цыганки лучше были, да и за теми я не больно-то гонялся... А вот ты скажи-ка мне лучше, как твои-то дела?

— Которые? — улыбнулся Вельтищев.

— Да насчет Коробовой... Я слышал стороною, ты заставил ее разъехаться с мужем?

Платон Васильевич слегка нахмурился.

— Да, я желаю этого, — ответил он, немного помедлив.

— И для чего это тебе нужно было — не понимаю! — пожал «старец» плечами.

— Для того, что этот муж, как глупая пешка, стоял на моей дороге.

— Резон! — усмехнулся кузен. — Свертеть голову молодой бабенке...

— Мне так нравилось, — перебил с легким неудовольствием Платон, — я так хотел, и наконец... наконец, я люблю эту женщину!

«Старец» усмехнулся на это, как на вздорные и пустые речи.

Зная и любя своего кузена, он был убежден, что этот человек, в сущности, никого и ничего не любит, да и любить не может.

Они замолчали.

«Старец» сосредоточенно курил сигару и задумчиво глядел своими тихими, голубыми глазами в огонь камина. Нетронутая чашка кофе остывала перед ним на маленьком столике.

Платон, поднявшись с оттоманки как бы в ожидании чего-то, ходил неслышными шагами по мягкому ковру, сплошь покрывавшему паркет этой комнаты, и по временам искоса посматривал на брата острым и внимательно наблюдающим взглядом. Молчание это длилось минут десять.

Сигара была докурена уже до половины.

Вдруг «старец» сделал какое-то порывистое и как бы вынужденное движение, словно бы силясь подняться, и тихо закричал болезненным стоном.

Платон вздрогнул, моментально остановился на месте — и все свое чуткое внимание, весь тревожный взгляд сосредоточил на своем кузене.

— Платоша... Платоша... — с усилием прошептал Вельтищев странно коснеющим и заплетающимся языком. — Что это... Господи!.. Как дурно мне вдруг... Платоша... помоги, голубчик...

Платон на цыпочках, неслышными шагами поспешно кинулся к нему.

— Что с вами, братец? — спросил он встревоженным шепотом.

— Дурно... дурно... в глазах темно... мутит в груди... в голове что-то, — бормотал «старец» все более слабеющим голосом и, как слепой, ощупью простирает вперед руки, словно бы ища чего-то. — Воды... воды мне! — выговаривал он с усилием, надсаживаясь грудью. — Только тсс... осторожней... чтобы жена не знала... молчи... не говори ей... испугается... не тревожь... это пройдет ведь...

— Пройдет! — успокаивал кузен. — Вы, должно быть, лишнего что-нибудь скушали за обедом... это простые спазмы... вы прилягте-ка, а я вам сейчас воды подам...

Но «старец» был уже в бессознательном состоянии. Платон одною рукою прислонил к своей груди его голову, а в другой держал его повисшую руку.

Максим Григорьевич изредка конвульсивно и тяжело подергивался, но вот он широко раскрыл свои уже безжизненные, потухшие глаза, — нервная судорога в последний раз искривила мускулы его гладенько выбритого лица; глаза опять захлопнулись, и... вслед за тем весь стан его как-то оселся и голова тяжело повисла на руку кузена.

Вельтищев продолжал стоять над ним все в том же положении, поддерживая его тело.

В комнате царствовала глубокая тишина. Только бронзовые часы на камине чуть слышно отчеканивали секунды да изредка каменный уголь потрескивал в пылающем камине.

«Однако как он быстро холодеет! — мысленно сказал себе Вельтищев, чувствуя, как под его ладонями начинает охладевать голова и рука его кузена. — Но точно ли?..»

Он бережно опустил голову «старца» на спинку оттоманки. Пощупал пульс — неслышен. Внимательно приложил ухо к груди, послушал с минуту — не бьется.

Очевидно, дело уже было кончено.

Вельтищев поднялся, провел по лицу руками и потянулся, словно бы от чрезмерной усталости.

Пройдясь раза два по комнате, он неторопливо огляделся вокруг, как бы соображая, что теперь следует делать.

Взгляд его прежде всего отыскал на ковре окурок сигары, выпущенной в первую минуту дурноты обессилёнными пальцами покойного.

Вельтищев бросил его в жарко пылавшие уголья и не сводил с него глаз до тех пор, пока тот не сгорел окончательно. Затем он тщательно смахнул носовым платком и развеял по полу пепел, оставшийся на ковре в момент падения сигары.

«Начало сделано — и след заметен, — подумал себе Вельтищев. — Теперь что же еще?»

Сегодня перед обедом, сводя с кузеном некоторые счёты по общим их громадным оборотам и предприятиям, он получил со «старца» долг в двести пятьдесят тысяч и возвратил ему его сохранную расписку. «Старец» не разорвал ее тотчас же, потому что вообще не имел обыкновения рвать своих оплаченных векселей и документов, а складывал их, как бы на память или про всякий случай, в особый ящик. Так и теперь: получив с кузена, почти перед самым обедом, свою расписку, он не успел ее спрятать в обычное хранилище, а положил пока до времени в бумажник, лежавший у него в боковом кармане. Вельтищев отыскал ее теперь в бумажнике кузена, просмотрел внимательно, чтобы убедиться, точно ли та самая, и, убедясь, переложил ее в свой собственный бумажник.

Затем он достал из кармана покойника связку ключей, выбрал один из них и отпер металлический несгораемый шкаф, где хранилась денежная касса. Осмотрительно вынув из нее две полновесные пачки, он завернул их в ворох газетной бумаги и прикрыл афишами да какими-то счетными делами.

«Однако при этом должна быть у него опись, откуда и сколько изъято, — вдруг домекнулся Вельтищев. — Улика, черт возьми, коли отыщут потом, при описи имущества... Надо отыскать!»

И он, хорошо зная аккуратность систематического старика, бросился прежде всего к несгораемому шкафу. Ожидания, основанные на знании и верных соображениях,

не обманули Вельтищева, вследствие чего его поиски продолжались недолго: вскоре он отыскал в этом шкафу уличающую опись, которая была составлена и написана собственноручно покойным кузеном.

«Уничтожить ее скорее!» — было первою мыслью, которая мелькнула Платону Вельтищеву при взгляде на найденную бумагу.

Он было направился с нею к камину, как вдруг остановился, когда рука его готова уже была швырнуть документ в жаркие уголья.

«Нет, лучше сохранить у себя, про всякий случай, — передумал он в это мгновение, — может, еще и самому пригодится... Я ведь не знаю, откуда и сколько изъято... могут встретиться какие-нибудь недоразумения, вопросы, сомнения... Надо будет все это тщательно пересмотреть и проверить... Лучше пока припрятать ее...»

И, развернув добытые пачки, он присоединил к ним опись, после чего опять завернул и прикрыл их прежним порядком.

После этой операции шкаф был затворен, а связка ключей сунута в карман покойника.

При этом движении труп покачнулся.

Моментально и с ужасом отскочил от него Вельтищев на середину комнаты.

«Неужели жив еще?» — тревожно подумалось ему, когда через несколько мгновений рассеялся безотчетный панический ужас.

Он со страхом и опасением несмело поднял глаза на мертвого. Но тот полулежал недвижно в самой покойной и естественной позе, как будто и в самом деле заснул на часок после обеда.

«Фу, какое ребячество!» — мысленно укорил сам себя Вельтищев и крупными глотками выпил большой стакан воды, чтобы окончательно утишить минутную вспышку своего волнения.

Оправившись и приведя все в порядок, он осторожно вышел из кабинета, притворив за собою дверь, и отправился на половину Ирины Борисовны.

* * *

На звук его шагов отпахнулась тяжелая портьера, и на пороге появилась изящная фигура Вельтищевой. Это была женщина лет тридцати восьми, уже блекнущая, но все еще красивая. Пожирающий, нетерпеливый взгляд ее тревожно и трепетно остановился на лице кузена. Сильное волнение, и страх, и ожидание смутными тенями пробежали по всем чертам ее физиономии.

— Ну?.. ну что? — нервно схватив его за руки, чуть слышно спросила она голосом, обрывавшимся от внутренней тревоги стольких чувств и ощущений.

— Кончил, — ласково кивнул он ей, как бы лаская и глядя ее успокаивающим взглядом.

— Что кончил? — машинально повторила она, не совсем ясно давая себе отчет в произнесенном им слове.

— Успокойся, мой друг, все кончено, говорю тебе... Ты вся дрожишь... Да что это у тебя такие холодные руки?.. Фу, моя милая, больше мужества! Больше силы!

— Что с ним?.. Говори, что с ним? — не слушая его, повторяла она все тем же задыхающимся шепотом.

— Ничего. Он спит, очень покойно и больше уже не проснется.

У Ирины Борисовны вдруг опустились руки и лицо побледнело еще более.

— Да успокойся же, — настойчиво, твердым и даже строгим тоном сказал он ей и, бережно взяв ее за талию, отвел в покойное кресло. — Теперь не время еще, или иначе можно сразу испортить и погубить все дело.

Она автоматически позволила посадить себя и, словно бы очнувшись, закрыла лицо руками.

— Ну, успокойся же и выслушай... постарайся понять, что я буду говорить тебе, и выполни в точности, — начал Платон Васильевич, опустясь перед ней на колени и крепко сжимая ее похолодевшие руки. — Слушай же, дорогая моя: теперь я уеду и возвращусь вечером, часов в десять... Ты по крайней мере еще часа полтора не выходи из этой комнаты, никому не подавай никакого вида... чтобы никто

не догадался... Это необходимо, говорю тебе... Через полтора часа можешь войти в кабинет, а еще лучше дождись, когда придут и скажут тебе. К тому времени либо Демьян, либо конторщик войдут будить его... понимаешь?.. Так будет естественнее, проще... Тогда можешь все эти истерики, крики, слезы, обмороки — все что угодно! Но до тех пор, бога ради, постарайся выдержать себя... будь тверже!

— Страшно!.. — вся дрожа, прошептала Ирина Борисовна.

— Полно! Не думай об этом!.. Лучше думай и радуйся, что мы теперь у цели, что все состояние — твое и никто уже не отнимет его у тебя... никто!.. Ну, думай... думай обо мне, о любви, о нашем будущем... Ведь полтора часа, только полтора часа каких-нибудь! От этого, говорю тебе, все, все теперь зависит!

Ирина Борисовна бодро встрепенулась.

— Хорошо, — сказала она, подавляя в себе свои гнетущие впечатления. — Я выдержу... я буду спокойна и не выйду отсюда.

— Ну вот и молодец! — ласково ободрил ее Вельтищев. — А теперь вот что: дай мне какой-нибудь платок, или сак, или что-нибудь такое...

Она достала с рабочего столика изящный и вместительный сафьяновый мешок и подала его кузену.

— Теперь прощай пока и помни же, как действовать!.. Не забудь послать за доктором, — напомнил он, нежно и крепко целуя ее руки, и вслед за тем тихо скрылся за портьерой.

* * *

Пройдя в кабинет, он бережно уложил в мешок отобранные пачки.

Он старался не смотреть в ту сторону, где стояла оттоманка, и вместе с тем взгляд его порою как-то невольно, вопреки его собственному желанию, косил на это роковое место. «Старец» полулежал все в прежнем положении. Тухнувшие уголья кидали багровые, перебегающие

блики на его мертвенно-бледное лицо и на голый лоб, и эта игра света как будто придавала ему какую-то жизненность; от этого он еще более походил на спящего человека.

Вельтищев взял мешок и осторожно, на цыпочках, вышел из кабинета.

В столовой он столкнулся в дверях с камердинером Демьяном и конторщиком, который шел с какой-то бумагой.

Те почтительно посторонились.

— Куда вы? — спросил их Вельтищев, которого внутренне покорило от этой неожиданной встречи.

— К барину... с бумагой.

— Барин спит... не тревожьте, — предупредил он обоих, сумев придать своему тону полное и, так сказать, обычное спокойствие. — А что, моя карета приехала? — обратился он тут же к Демьяну.

— Уж с полчаса как у подъезда.

II

КТО ЭТОТ СОГЛЯДАТАЙ?

— Домой прикажете-с?

— Нет, в Дмитровский переулок! — крикнул Вельтищев своему кучеру, в то время как швейцар самого его подсаживал под руку в карету.

Дверца захлопнулась — и бородатый щеголь тронул божьями пару породистых красивых рысаков, которые бойко покатали щегольской экипаж по освещенным улицам Петербурга.

Карета остановилась у ворот одного, старой построй-ки, трехэтажного дома.

Вельтищев взял свой мешок и направился с ним к ступенькам, ведущим из-под ворот на парадную лестницу. Проходя под воротами, он, при слабом вечернем освещении, заметил, как мимо его, словно тень, проскользнула

чья-то мужская и как будто знакомая ему фигура. Эта встреча неприятно его покорила.

Он обернулся — фигура проскользнула за ворота, на улицу.

Постояв мгновение в колеблющемся раздумье, Вельтищев усмехнулся про себя какою-то злобно-иронической усмешкой и направился по лестнице.

Но, подымаясь по ступенькам со своею ношей, он слышал — или ему почудилось, — что за ним кто-то следует осторожными, крадущимися шагами.

Он остановился и прислушался.

Звук шагов тоже замолк.

Вельтищев пошел далее.

Но нет, по пятам его решительно кто-то следует, кто-то крадется за заворотом каменной стены этой лестницы.

— Кто там? — резко окликнул Вельтищев.

Шаги притихли, притаились; но ответа нет ему.

Он повторил еще раз свой вопрос, и так как молчание это показалось ему подозрительным, то, оставя на площадке свою ношу, он быстрыми шагами стал спускаться с лестницы.

Кто-то шибко и уже не скрываясь сбежал по ней под ворота.

Вельтищев мельком, но ясно заметил даже проشمывавшую тень этого странного соглядатая.

— Мерзавец! — прошипел он ему вслед с презрением и злобой.

Но время ему было дорого, и потому, поднявшись до своей оставленной ноши, он не взошел, а взбежал с нею на третий этаж и дернул за ручку звонка, которая блестела своею вычищенной медью сбоку двери, обитой зеленым сукном, где красовалась под стеклом изящная дощечка, на которой четкими буквами было оттиснуто: «Людмила Сергеевна Коробова».

Молодая и опрятная горничная, услышав этот сильный, порывистый звонок, с полуиспугом и недоумением открыла двери.

— Запирайте скорее дверь! — торопливо и озабоченно обронил он слово девушке, словно бы опасаясь, чтобы лестничный соглядатай силою не ворвался сюда по его следу.

Спустив с плеч шубу, Вельтищев, явно взволнованный, бросился со своею драгоценною ношей во внутренние комнаты.

Его встретила там молодая стройная женщина с белокурой, роскошно распущенной косою и с голубыми глазами, которые из-под длинных ресниц и из-под черных бровей светились каким-то холодным блеском.

— Платон, что с тобой?! На тебе просто лица нет! — с удивлением проговорила она звучным, но тоже каким-то металлически-холодным голосом.

— На! Спрячь это... спрячь... куда-нибудь подальше... поскорее... чтобы никто не знал и не видел! — говорил он, указывая на свою ношу.

Людмила Коробова, не спуская с него глаз, в недоумении пожала плечами.

— После, после... теперь некогда... потом все узнаешь... А теперь пока спрячь мне это, пожалуйста.

Он огляделся вокруг, отыскивая глазами удобное место, и, недолго думая, сунул мешок под тюфяк роскошно драпированной постели.

— Пусть полежит тут... ты не тронь его... Я потом зайду и возьму, — говорил он торопливо и как-то отрывисто.

— Да сядь ты и успокойся! — ласково тронула она его за плечо.

— Да, да... мне надо успокоиться... Я устал, очень устал сегодня... Дай мне стакан лафиту... это подкрепит меня несколько.

Выпив вино, он изнеможенно опустился на диван и полуприлегал на нем.

— Ну, рассказывай же мне, что все это значит? — участливо и любопытно присела она к его изголовью.

— После, потом! — махнул он рукою с нервным движением в лице. — Теперь мне надо отдохнуть... Я сильно

измучен... может быть, засну... В три четверти десятого ты разбуди меня; но только, бога ради, никак не позже!

Людмила Сергеевна ответила на это кивком головы и тихо вышла из комнаты.

* * *

Ровно в три четверти десятого ласковая рука красивой женщины осторожно разбудила Вельтищева.

Людмила Сергеевна вполне надеялась, что теперь он разрешит ее нетерпеливое любопытство и откроет причины своего волнения, но Платон Васильевич встал какой-то сумрачный, кислый и, почти молча простившись с нею, тотчас же оставил ее гостеприимную квартиру.

Он уже спустился на нижнюю площадку, как вдруг в полусумраке довольно слабо освещенной лестницы заметил притаившуюся в углу фигуру человека, закутанного в холодное пальто. Отсутствие мехового воротника заменялось у него кашемировым кашне, из-за которого выглядывало болезненно-бледное молодое лицо. Два глаза, горящие, как уголья, страдальчески, но со злобной ненавистью глядели прямо в упор на Вельтищева.

Этот последний запнулся было на мгновение, но выдержал устремленный на него взгляд и, закутавшись в воротник своей дорогой шубы, твердою походкой сошел с последних ступенек.

Молодой человек, под гнетом чувства мучительной нерешительности, крепко стиснул пальцы своих сложенных рук, так что даже суставы их хрустнули, и с судорожным, подавленным вздохом бессильно опустил на грудь свою голову.

III ЖАБА

Вельтищев ушел, но беспокойство Людмилы Сергеевны не утишилось с его отсутствием. Оно длилось все время, пока он спал, и теперь достигло наибольшего своего

предела. Нынешнее поведение этого человека — поведение столь необычное, его волнение, его смущенность, его неудовольствие, его явное стремление замять всякий разговор, всякую попытку к расспросам — все это казалось слишком необыкновенным и слишком загадочным, чтобы не возбудить в душе Людмилы Сергеевны целый рой сомнений и вопросов. Отчего он приехал такой странный, такой смущенный? Зачем так торопливо и взволнованно приказал девушке поскорее запирать за собою дверь? Что это за мешок, который он счел нужным прежде всего сунуть под тюфяк — в первое попавшееся место, которое показалось ему удобным? Зачем не велел трогать, не велел прикасаться к этому мешку, обещая заехать и взять его? Что такое, наконец, в этом мешке заключается?

Последний вопрос казался всего важнее, потому что он сильно затрагивал женское любопытство. Что в нем заключается? В этом-то и есть вся сила, вся сущность, вся разгадка мучительного вопроса. А вдруг он придет, возьмет этот мешок с собою, и тогда... тогда Людмила Сергеевна, быть может, и не узнает — никогда уже не узнает настоящей сути *какого-то* дела, в которое ее обещают посвятить со временем, «после», «потом», а может быть, и вовсе не посвятят; а когда мешок будет увезен, то добиться правды будет ей уже трудно, если даже не окончательно невозможно.

Соблазн был слишком велик. Евино любопытство слишком сильно подстрекало ее. Поколебавшись с минуту, она подошла к постели и с нервною быстротою выдернула из-под тюфяка вещь, в которой заключалась мучающая ее загадка.

«А!.. Это женская вещь... Стало быть, тут замешана женщина!» — мелькнула ей первая мысль при взгляде на туго набитый мешок, и эта мысль кольнула ее душу смутно ревнивым и озлобленным чувством.

Она уже хотела было надавить пружину стального замочка и удовлетворить своему женски жадному любопытству, как вдруг в прихожей раздался звонок.

Людмила Сергеевна, как пойманная на месте школьница, поторопилась сунуть кое-как мешок на прежнее место и поспешила выйти распорядиться, чтобы, кроме Вельтищева, никого не принимать, но было уже поздно.

— Барыни нету дома, — слышала она голос своей девушки, говорившей с кем-то в дверях.

— Неправда, она дома... Я знаю, что она дома! — возражал ей голос человека, очевидно изъяслявшего твердое намерение войти в квартиру.

— Но уверяю вас... ей-богу, ее нет дома! — настаивала горничная, загораживая дорогу.

— Вздор!.. Пропустите меня!

Людмила Сергеевна из-за двери стала чутко прислушиваться к голосу мужчины: кто б это мог так настойчиво ее спрашивать?

— А хотя б и дома, — продолжала горничная, — но она никого не принимает... она нездорова.

— Здорова ли, нет ли — это все равно! Мне нужно ее видеть.

Брови Людмилы Сергеевны нахмурились. Она узнала этот голос. Приход нежданного посетителя был очень неприятен ей, и особенно в настоящую минуту.

— Ну так я вам скажу, что вас-то именно и не велено впускать! — воскликнула горничная, делая последнюю попытку загородить собою дорогу назойливому гостю.

В это самое мгновение m-me Коробова отворила дверь и появилась со своими нахмуренными бровями на пороге прихожей.

— Что вам угодно от меня? — спросила она посетителя ровным, сдержанным и холодным тоном.

— Видеть вас... говорить с вами! — порывисто кинулся к ней вошедший.

— Нам не о чем говорить с вами... Я считаю, что все наши разговоры уже кончены.

— Людмила!.. Бога ради!.. Я не уйду отсюда — мне нужно... необходимо говорить с тобою... Умоляю тебя!

Крестовский В.

К 80 Вне закона : роман / Всеволод Крестовский. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 448 с.
ISBN 978-5-389-32132-8

Роман «Вне закона» Всеволод Крестовский написал в 1873 году. По закрученному сюжету и накалу страстей он не уступает его знаменитым «Петербургским трущобам» и в свое время наделал немало шума, во многом благодаря парадоксальному утверждению автора: «Наказание за преступление — вне компетенции закона».

Притом что Всеволод Крестовский плотно сотрудничал с сыской полицией, проникал в притоны, участвовал в облавах и обысках, присутствовал при арестах и на допросах, работал в судебных архивах — то есть всячески способствовал торжеству закона, — он был убежден, что суд над преступником вершится гораздо выше. И в своем романе, решая проблему «преступления и наказания», автор позволяет злодеям избежать судебной кары, но приводит их к неизбежному нравственному краху.

В центре действия романа — Платон Вельтищев, игрок и модник, прожигающий жизнь. Полная противоположность своему кузену, деловитому и серьезному Максиму Вельтищеву, женатому на красавице Ирине, за которой волочится Платон. И когда Максим, устав сводить концы с концами в семейных финансах, предлагает разделить бухгалтерию, Платон понимает, что его беспечной жизни приходит конец — этак ведь вскроются все его растраты! Он решается на преступление. И благодаря ловкому адвокату выходит из зала суда свободным человеком.

Однако это только начало. Вслед за тем клубок зла начинает закручиваться все туже — подлость, измена, интриги, шантаж, коварство, ложь, месть. Наказание за преступление неизбежно грядет, и хорошо бы успеть раскаяться, но позволит ли это высший закон?

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)1-44

ВСЕВОЛОД ВЛАДИМИРОВИЧ КРЕСТОВСКИЙ
ВНЕ ЗАКОНА

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры София Сумарокова, Ольга Попова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 08.05.2026.
Формат издания 84 × 108 1/2. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 23,52. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА*, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА* тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

